

Heidrun Wald

Томас Манн и Федор Достоевский : перспектива и размышления о будущем

Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze 13, 54-60

1989

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Томас Манн и Федор Достоевский Перспектива и размышления о будущем

Хэйдрун Вальд

С тех пор, как Маркс и Энгельс в *Манифесте Коммунистической партии* затронули вопрос о развитии мировой литературы¹, процессы мировых культурных и литературных взаимосвязей продолжают неуклонно развиваться и расширяться. В настоящее время, когда перед человечеством встал ряд глобальных проблем, в условиях социально неоднородного общественного устройства необходимо создать такую человеческую общность, которая могла бы существовать в нашем сегодняшнем мире, где все мы взаимозависимы и взаимосвязаны². В этой ситуации к концу XX века культурные и литературные взаимосвязи играют важную роль в активизации духовного потенциала человечества.

В своей концепции диалогичности жизни философ и литературовед Михаил Бахтин рассматривает мировые жизненные процессы как большой незавершенный диалог:

Диалогическая природа сознания, диалогическая природа самой человеческой жизни. Единственно адекватной формой словесного выражения подлинной человеческой жизни является незавершенный диалог. Жизнь по природе своей диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге — вопрошать, внимать, отвечать, соглашаться и т.п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь[...]. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум.³

¹ K. Marx, F. Engels: *Manifest der Kommunistischen Partei*. In: MEW, Bd. 18, s. 221.

² J. Pliniak: *Der Marxismus-Leninismus und der revolutionäre Geist am Ende des 20. Jahrhunderts*. In: „Neues Deutschland“ vom 26. 11. 1986, s. 4.

³ М. Бахтин: *План доработки книги „Проблемы поэтики Достоевского“*. В: *Контекст 1976*. Москва 1977. См.: *Untersuchungen zur Poetik und Theorie des Romans*. hg. von E. Kowalski und M. Wegner. Berlin und Weimar, 1986. См.: М. Бахтин: *Проблемы поэтики Достоевского*. Москва 1979.

В области „мирового симпозиума” литературных процессов марксистский литературоведческий компаративизм на современном этапе имеет важные задачи, подходя „к истории всемирной литературы как к исторически развивающемуся целому...”⁴. Во-первых, компаративизм раскрывает общие закономерности развития мировых литературных процессов, во-вторых (и эта диалектика особенно важна), показывает новые черты сравниваемых литератур, а именно литературы, которая оказывает влияние на развитие другой, и литературы, которая испытывает это влияние. Эти новые черты проявляются только при использовании компаративистского метода. Данный метод оказывается наиболее эффективным в тех случаях, когда другие литературоведческие методы не дают желаемого результата. Компаратист обращается с вопросами к чужим культурам и литературам. Вся сложность этих явлений не может быть раскрыта одним исследователем. Он должен концентрировать свое внимание на определенных явлениях влияний⁵, конвергенций, общностей, различий, типологических аналогий и т.п.

В наше время, когда стоит вопрос о гибели человечества или о продолжении жизни на земле, с особой остротой обсуждается перспектива существования человеческого рода. Исследуя вопрос возможностей воздействия наследия русской литературы в конце XX века, следует подчеркнуть, что представления классиков о будущем человечества, которые эстетически реализуются в „изображении перспективы” литературного произведения, являются исходным пунктом художественного анализа. Представления великих русских реалистов о будущем человечества сформировались на основе их беспощадного анализа социальных изменений, происходивших в России в период перехода к капиталистической общественной формации.

В сегодняшней переломной ситуации, исходя из нового мышления в ядерный век⁶, мы снова обращаемся к наследию русских реалистов, пытаемся понять их размышления о будущем, которые складывались „из конкретных вопросов демократии и социализма”, которые имеют наряду с утопическими и реакционными чертами черты социалистические⁷.

Поздний русский реализм и его сердцевина, роман, особенно богаты антиципирующим мышлением, утопическими представлениями, концепциями личности, общественными моделями, идеалами, видениями, пред-

⁴ И. Г. Неупокоева: *История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа*. Москва 1976, с. 35.

⁵ Термины „влияние” и „воздействие” употребляем как синонимы.

⁶ А. Громыко, В. Ломейко: *Новое мышление в ядерный век*. Москва 1984.

⁷ R. Luxemburg: *Die Seele der russischen Literatur*. In: *Dieseble: Schriften über Kunst und Literatur*. Dresden 1972, s. 59 (Перевод — Н. W.). Ср.: Н. Пруцков: *Идеи социализма в русской классической литературе*. Ленинград 1969.

ставлениями о моральных ценностях. Все эти представления о будущем, имеющие целью изменение общественных условий, реализуются в соответствующих художественных структурах, которые оказываются структурообразующими элементами жанра романа и входят в историю всемирной литературы как значительные художественные новации.

Мы постараемся рассмотреть влияние русской литературы, которое испытывают писатели XX века в своем творчестве, проследить, насколько продуктивно проявилось влияние наследия русской классики на их художественные произведения. Речь пойдет об одном из них — о выдающемся немецком писателе XX века Томасе Манне. В его произведениях „русская тема”⁸ представлена особенно ярко.

Творческий опыт Федора Достоевского и других русских писателей подсказывал. Т. Манну в разные периоды его писательской деятельности (а они, соответственно, связаны с труднейшими и наиболее драматичными эпохами в истории Германии, какими, например, являются эпохи, связанные с первой и второй мировыми войнами) оптимистический выход из критических ситуаций; помогал ему рассматривать историю немецкого народа в русле общечеловеческой истории; способствовал утверждению в его собственном творческом наследии таких явлений, которые в той или иной мере связаны с тем, что мы соотносим с эстетическим идеалом. Верным подтверждением этого тезиса служит сравнение таких произведений, как *Преступление и наказание*, *Братья Карамазовы*, *Подросток*, *Бесы* Ф. М. Достоевского и *Волшебная гора*, *Доктор Фаустус*, *Иосиф и его братья* и *Лотта в Веймаре* Т. Манна, в которых это соотношение наиболее ощутимо. При этом следует сугубо подчеркнуть, что Томас Манн как художник, испытывая на себе определенное влияние творческого опыта Ф. М. Достоевского, оставался всегда самобытным писателем немецкого народа, с большой пользой для себя воспринимавшим художественные достижения русской классики. При рассмотрении вышеназванной проблемы мы используем не столько эпистолярное и литературно-критическое наследие писателей (что, разумеется, тоже по-своему важно), сколько и наиболее значительные художественные творения.

Компаративистские исследования структуры романов доказывают, что существует родство немецкого писателя с русской литературой как в идейном плане, так и в структуре повествования. В связи с этим особое значение имеет изображение перспективы. Перспектива не только связана с одним или несколькими элементами, она вытекает из художественной ткани целого произведения. Оказывается, что связь между

⁸ М. Wegner: *Thomas Manns „Zauberberg“ und die russische Literatur*. In: *Werk und Wirkung Thomas Manns in unserer Epoche. Ein internationaler Dialog*. Berlin und Weimar 1978, s. 304.

перспективой и структурой романа зависит как от функции утопии или другой формы представления о будущем в ткани художественного произведения, так и от определенных повествовательно-структурных элементов, как например, от „диалогичности”, „равноправия” голосов, которые заставляют читателя продолжать диалог в своем сознании и глубоко и мучительно размышлять. „Последнее слово” не принадлежит автору, правда определяется созвучием голосов. Таким образом, на читателя возлагается большая ответственность; такая структура повествования способствует активизации реалистического взгляда читателя на проблемы сегодняшней эпохи и на решение этих проблем.

Т. Манн чувствует тесное духовное родство с Достоевским, с его размышлениями об изначальных, вечных вопросах человечества. Влияние Достоевского на немецкого писателя прослеживается в целом ряде сравнительных аспектов. Известно, что Достоевского волновала проблема истории России, ее вклада в общечеловеческий исторический процесс, проблема счастья человека и его назначения на земле, равно как и другие философские, нравственные, эстетические, политические вопросы его трудного „переходного” (по В. И. Ленину) времени. Надо обратить внимание на то, что Т. Манн, когда он говорит о Достоевском, делает это часто опосредствованно, через призму взглядов на развитие духа и истории, через призму ницшеанских взглядов⁹. Именно в кризисных ситуациях истории для него спор с Достоевским был не менее важен, чем спор с Ницше. Именно к аналитикам болезни общества он обращается с вопросами, именно они были нужны ему для беспощадного анализа общественных и духовных процессов.

Т. Манн чувствует притягательную силу исторического оптимизма русской литературы. В творчестве Достоевского он находит элементы диалектики:

[...] ein Element des Diskursiven, Dialektischen, Dramatischen [...], das auch das Ernsteste, Böseste, Abgrundigste in einem höchsten Sinne amüsant macht.¹⁰

Т. Манн — мастер иронии. Так, в романе *Доктор Фаустус* зло появляется как часть расколотой души главного героя, композитора Адриана Леверкюна, имеющей сходство с чертом Ивана Карамазова. Этот образ — комический. В тетралогии *Иосиф и его братья* черти — маленькие, смешные, уродливые гномы. „Den Teufel zum Narren machen, — das ist der mystische Sinn der russischen Komik.”¹¹

⁹ Ср.: сочинения Т. Манна *Dostojewski — mit Maßen und Nietzsches Philosophen im Lichte unserer Erfahrung*. См.: Г. Фридендер: *Достоевский и мировая литература*. Москва 1979, с. 390 и сл.

¹⁰ Th. Mann: *Dostojewski — mit Maßen...* In: *Gesammelte Werke*. Bd. 10, Berlin 1955, s. 634.

¹¹ Th. Mann: *Russische Anthologie* (1921). In: *Gesammelte Werke*. Bd. 11, s. 575.

Сердцевина концепции личности Т. Манна¹² — и в этом его родство с Достоевским проявляется особенно сильно — это ответственность каждого индивида, каждой человеческой личности за себя, за других, за человечество и его мирное будущее. Эти социально-утопические представления о роли человеческой личности Достоевский выражает диалогичностью голосов:

Достоевский часто перебивает, но никогда не заглушает чужого голоса, никогда не кончает его „от себя”, т.е. из другого, своего сознания. Это, так сказать, активность бога в отношении человека, который позволяет ему самому раскрыться до конца (в имманентном развитии), самого себя осудить, самого себя опровергнуть. Это — активность более высокого качества.¹³

Такой элемент полифонии, который нужен в каждом реалистическом романе, мы находим в романе *Доктор Фаустус*, в котором духовная физиогномия главных героев звучит самостоятельным голосом. Исповедь Адриана Левверкюна в конце его сознательной жизни, перед духовной смертью, перед сумасшествием, является выражением самостоятельного голоса. Исповедь — результат совестных мучений героя, он осуждает себя самого: „[...] человек завершает себя сам изнутри.”¹⁴

Т. Манн, размышляя о перспективах немецкого народа и человечества, нередко полемизирует с великим русским писателем и опровергает общую иллюзорность его мировоззрения. Достоевский, например, в романе *Преступление и наказание* в эпилоге дает религиозно-иллюзорную развязку, которая выражает его представления о всемирном братстве людей, о христианском социализме и является слабой в художественном отношении. Т. Манн преодолевает иллюзорные представления Достоевского и ставит вопрос о будущем Германии и человечества на примере вопроса о будущем музыки. При помощи парадигмы музыки он анализирует отчужденность человека в позднебуржуазном обществе и таким образом разоблачает разложение этого общества.

Человек как социальное существо находится в диалогичном отношении к окружающему его миру. При потере диалогичности он теряет самого себя. Это мы находим у Достоевского в образах Ивана Карамазова, Раскольников, Ипполита, Ставрогина, главного героя *Бесов*, где показан холод их внутренней разобщенности.

Т. Манн показывает эти явления на примере судьбы композитора Адриана. Для позднебуржуазного художника бетховенская „мечта

¹² Ср.: I. Diersen: *Thomas Mann. Episches Werk. Weltanschauung. Leben*. Berlin und Weimar 1975, s. 247.

¹³ М. Бахтин: *План доработки...*, с. 298.

¹⁴ Там же, с. 311.

о мире и счастье" уже невозможна. Его кантата *Dr. Fausti Weheklag*, вариации на тему о плаче человечества, целью которых является отрицание идей Девятой симфонии, свидетельствуют о крахе буржуазного мира, не оставляя никаких иллюзий на выздоровление этого общества¹⁵. Именно этим реалистическим взглядом на эпоху, а не трансцендентной надеждой Фаустус и все творчество Т. Манна связаны с будущим.

Эти вышеназванные интерлитературные влияния доказывают необходимость и важность освоения культурного наследия русских реалистов, их мучительных размышлений о роли человеческой личности и ее вечной цели — мирной жизни на земле. И нам нужны произведения, отражающие опыт писателей, приобретенный именно в критических ситуациях в плане продуктивного освоения наследия русских классиков. Вспоминается замечание Анны Зегерс: „Великая русская литература [...] была в высшей степени гуманна [...]”¹⁶ Такие понятия как правда, совесть, любовь и добро, ответственность за мир и мирную жизнь на земле обсуждаются в русской литературе. Даже при критическом взгляде на литературное наследие эти понятия для нас не являются абстрактными категориями, а выражением нашего социалистического гуманизма.

Um des Glückes und Friedens der Menschheit willen ist der nachdenkende, unruhige Mensch gefragt, das ist die Botschaft des russischen Realismus, dessen Nachdenken sich zwischen der Unruhe des einzelnen und dem Ziel einer friedlichen Welt bewegt, Aufforderung durch die, wie Th. Mann es nennt, „rettende Ehrfurcht des Menschen vor sich selbst”¹⁷ das Leben auf Erden zu erhalten.

¹⁵ Подробнее об этом см.: H. Wald: *Strukturprobleme der Romane F. M. Dostoevskijs und Th. Manns. Das Paradigma der Musik in „Doktor Faustus“ unter komparativistischem Aspekt*. In: *Zeitschrift für Slawistik* 1983, H. 5, s. 693—703.

¹⁶ A. Seghers: *Über Kunstwerk und Wirklichkeit*. Teil 1: *Die Tendenz in der reinen Kunst*. bBerlin 1970, s. 209.

¹⁷ Th. Mann: *Versuch über Schiller. Seinen Andenken zum 150. Todestag in Liebe gewidmet (1955)*. In: Th. Mann: *Adel des Geistes. Zwanzig Versuche zum Problem der Humanität*. Berlin 1956, s. 798 (Hervorhebung — H. W.).

Heidrun Wald

THOMAS MANN I FIODOR DOSTOJEWSKI. PERSPEKTYWA I ROZWAŻANIA O PRZYSZŁOŚCI

Streszczenie

W dziedzinie „światowego sympozjum” (Bachtin) procesów literackich marksistowska komparatystyka literaturoznawcza na współczesnym etapie spełnia ważne zadania, traktując historię literatury światowej jako historycznie rozwijającą się całość (Nieupokojewa). Badając problem możliwości oddziaływania dziedzictwa literatury rosyjskiej końca XX wieku, należy podkreślić, że wyobrażenia klasyków o przyszłości ludzkości sformułowane zostało na podstawie analizy przemian społecznych, zachodzących w Rosji w okresie przechodzenia do społecznej formacji kapitalizmu. Późny realizm rosyjski odznacza się szczególnym bogactwem myślenia antycypującego, koncepcjami przyszłości, realizowanymi w odpowiednich strukturach artystycznych, które stały się elementami formotwórczymi gatunku powieści i weszły do historii literatury światowej jako znaczące innowacje artystyczne. Doświadczenie twórcze Dostojewskiego i innych pisarzy rosyjskich podpowiadało T. Mannowi w różnych okresach jego działalności pisarskiej optymistyczne wyjście z sytuacji kryzysowych, pomagało rozpatrywać historię narodu niemieckiego w nurcie ogólnoludzkiej historii. Badania komparatystyczne nad strukturą jego powieści dowodzą, że istnieje podobieństwo pomiędzy niemieckim pisarzem i literaturą rosyjską zarówno w planie ideowym, jak i strukturze narracji. Mann zwraca się ku Dostojewskiemu i Nietzsche jako do analityków chorób społecznych w celu przeprowadzenia bezlitosnej analizy społecznych i duchowych procesów i konstatuje krach świata burżuazji.

Heidrun Wald

THOMAS MANN AND FIODOR DOSTOYEVSKI. PERSPECTIVE AND MEDITATION ABOUT FUTURE

Summary

In the field of „world symposium” (Bachtin) of literary processes the Marxist comparative literature at the present stage fulfils important tasks treating the history of world literature as the historically developing whole (Nieupokoyeva). Examining the problem of the possibility of the influence of the heritage of the end of the 20th c. Russian literature it should be stressed that the classics' conceptions of the future of humanity were formulated on the basis of the analysis of social changes taking place in Russia in the period of moving to the social formation of capitalism. The late Russian realism is distinguishable by particular wealth of anticipatory thinking, conceptions of future realized in the appropriate artistic structures which have become the elements forming the genre of novel and entered the history of world literature as significant artistic innovations. The creative experience of F. Dostoyevski and other Russian writers prompted T. Mann in different periods of his creative activity the optimistic way out of the crisis situations, helped to investigate the history of the German nation in the trend of the universal history. The comparative research on the structure of his novels prove that there is similarity between the German writer and Russian literature both in the ideological plan and in the structure of narration. Mann turns towards Dostoyevski and Nietzsche as the analysts of social illnesses to carry out the inflexible analysis of social and spiritual processes and he ascertains the collapse of the bourgeois world.